

Вера Туренко

Хранительница снов

Вера Туренко

Хранительница снов

https://litres.ru/74818433
SelfPub; 2026

Аннотация

История о девушке по имени Лина,которая является хранителем и оберегом чужих кошмаров. У нее есть помошник которого зовут Архивариус,а после и появится еще один Дилан. Рассказ о том,как они втроем будут спасать город и чужие сны!

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Вера Туренко
Хранительница снов

Глава 1

Город дышал сыростью. Дождь не лил — он стекал по карнизам, как слёзы по морщинам старого дома. Лина стояла у окна своей комнаты, где пахло пылью и остывшим чаем, и смотрела, как капли чертят на стекле кривые линии, будто кто-то пытался написать предупреждение. *Лина стояла у окна, и ей казалось, что эти кривые линии — не случайность, а чей-то почерк, который она когдато знала. Пальцы сами потянулись к стеклу, будто хотели стереть буквы, которых там не было».*

В комнате было слишком тихо. Даже часы на полке, которые всегда тикали с надрывным хрипом, вдруг замолчали. И в этой тишине раздался шёпот.Не из коридора. Не из соседней комнаты. Он пришёл изнутри — сначала только дыхание,близкое,чужое,как будто кто-то наклонился к самому её уху и выдохнул: «Они уже здесь».

Лина сжала в пальцах серебряный полумесяц — подвеску, холодную и тяжёлую, будто отлитую из лунного льда. Холод пробрался под кожу,и по спине прокатилась ледяная волна.Она знала этот холод. Он означал, что грань истончилась.

Она закрыла глаза. Не чтобы спрятаться, а чтобы увидеть то,что прячется за обыденностью. В темноте под веками воздух дрожал,как нагретый над пламенем.

И провалилась. На долю секунды мир схлопнулся в точку,а когда она снова смогла дышать,вокруг уже был чужой кошмар.

Это был не её сон. Это был чужой кошмар, выстроенный из знакомых деталей, но искажённых, как в кривом зеркале. Комната выглядела как детская, но углы были слишком острыми, а тени в них шевелились. Даже игрушки на полке будто сьежились,а их улыбки стали слишком широкими,будто там прятались существа, которым не полагалось иметь форму.

Она провалилась и едва успела схватится за воздух,которого тут не было. Холод чужого кошмара ударил по коже,как ледяной ветер. Комната.

На кровати мальчик сжимал одеяло, маленький и беззащитный,а над ним нависала фигура — не человек, не зверь, а сгусток тьмы с длинными, тонкими пальцами, похожими на сухие ветки.

Тень тянулась к его лицу медленно,неотвратимо,как капля густой смолы,стекающая по стеклу.Ещё секунда — и она коснётся кожи, и мальчик уже никогда не проснётся по-настоящему. Его сны станут клеткой, а потом и вовсе исчезнут, оставив только пустоту.

Лина рванулась вперёд. Подвеска вспыхнула тусклым, по-

чти болезненным светом — не тёплым, а ледяным, как свет луны в беззвёздную ночь. Тень зашипела, будто обожжённая, и отпрянула, разорвавшись на рваные лоскуты тьмы,которые тут же стянулись обратно. Она повернулась к Лине, и в этой тьме мелькнули очертания лица — чужого, древнего, равнодушного.

— Ты пришла слишком поздно, — прошелестел голос, в котором слышался скрип старых дверей. — Здесь уже нет спасения. Лина пошатнулась,но не отступила.Тебе не спасти этого мальчишку!

Лина не стала спорить. Спорить тут было уже бесполезно.Она шагнула ближе и прошептала слова, всплывшие из памяти сами собой — не молитва, не заклинание, а что-то среднее между криком и обещанием. Голос дрожал,но не от страха,а от напряжения,будто каждое слово приходилось выдирать из тишины.Подвеска отозвалась дрожью, и воздух вокруг неё пошёл рябью-сначала мелкой,а потом все сильнее,как круги от камня в стоячей воде.

Тень поймала эту волну,метнулась вперед,но Лина знала,куда бить.Она вытолкнула тьму прочь-не в никуда,а в узкий проем между снами. Там тень потеряла форму,рассыпавшись серым дымом.Мальчик всхлипнул и сел, озираясь,но тут же снова упал, уже спокойно, без страха. Кошмар отступил.

А Лину потянуло обратно резко,грубо,как если бы кто-то оборвал невидимую нить.В глазах потемнело,а когда она

смогла видеть,перед ней была ее комната. Часы на полке снова тикали — хрипло, торопливо, будто пытались наверстать упущенное время.

На подоконнике лежала чёрная веточка — сухая, ломкая. Когда Лина коснулась ее,веточка рассыпалась в серый пепел,который тут же поднялся в воздух и закружился,будто хотел снова собраться в тень.

Бабушка Лины жила в старом доме на окраине города — в том, что все обходили стороной, шепча, что там «нечисто». Дом скрипел по ночам,но Лина знала этот скрип-он был похож на бабушкино покашливание,когда она собиралась рассказать что-то важное. А окна иногда светились изнутри.

Бабушка рассказывала Лине истории не про добрых духов и волшебные леса, а про границы — тонкие места, где мир снов прижимается к нашему, как старое стекло к раме. Она говорила, что сны — это не просто картинки, а настоящие пространства, и у них есть свои стражи. И свои пожиратели.

А потом бабушка исчезла. Комната осталась прежней,только на столе лежала записка: «Не ищи меня. Я ушла туда, где граница тоньше. Береги сны — они держат мир на месте». С тех пор сны Лины изменились. Они стали глубже, темнее, и в них всё чаще появлялись чужие лица — люди, которых она не знала, но которые смотрели на неё с надеждой или ужасом, будто знали,что она их последняя надежда.

Иногда после зова на коже оставались тонкие,едва заметные царапины,будто кто-то провел по ней ледяной иглой,и

ощущение: внезапный холод, чувство, будто кто-то стоит за спиной, крик, который звучал не снаружи, а внутри головы. Сначала Лина пыталась их игнорировать. Потом — прятаться. Но сны не отпускали. Они приходили даже днём, когда она закрывала глаза хоть на секунду.

Однажды она нашла в сундуке бабушки дневник — он был потрёпанным, с пожелтевшими страницами и пятнами, похожими на капли воска или крови. В нём были записи о «пограничниках» — людях, которые могли ходить между снами и защищать их от тех, кто питается чужими страхами. И о том, что дар передаётся по крови, но просыпается только тогда, когда граница начинает рушиться. На внутренней стороне обложки бабушка вывела карандашом:~если ты это читаешь,значит,граница уже дышит тебе в затылок~.

В ту ночь Лина впервые осознанно вошла в чужой сон. Она не скользила — она падала, как в колодец, и вокруг неё кружились обрывки чужих воспоминаний: смех, плач, шёпот на незнакомом языке. Время здесь не имело формы-оно рвалось на лоскуты,и каждый лоскут царапал кожу,в центре этого хаоса была тень.

Лина схватила подвеску, прошептала слова из дневника, и тень отступила — но не исчезла. Тень посмотрела на Лину, будто запомнила её лицо, и прошептала так тихо,что слова не столько прозвучали,сколько проросли под кожей«Ты теперь одна из них. И они придут за тобой». Тень, что однажды легла на твою душу, теперь стала частью твоего силуэта — и

те, кто властвует за гранью сумерек, уже вписали твоё имя в свои безмолвные реестры. Берегись того света, что однажды вспыхнет не как спасение, а как знак твоего разоблачения: он восстанет против тебя, словно зеркало, отразившее не лицо, а приговор».

С того дня Лина поняла: она не сумасшедшая. Она — хранительница. И её работа — стоять на границе, пока мир снов ещё держится.

Цена знания»

Архивариус сидел в полутьме, и свет лампы ложился на его лицо узкими полосами, будто он был не человеком, а страницей, которую читают по строчкам. Перед ним на столе лежала карточка с выцветшими чернилами, а рядом — маленький чёрный цветок, похожий на кусочек застывшего пепла.

Лина стояла у порога, не решаясь войти глубже: воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахом старой бумаги и чего-то горького, как остывший кофе и страх.

Архивариус не поднимал глаз,медленно проводя пальцем по краю карточки,будто проверял,не осыпались ли чернила.— Ты принесла веточку? Не поднимая глаз спросил Архивариус.Лина сжала пальцы. Подвеска под тканью кофты отозвалась лёгким холодом.

-Да,но… Но я не понимаю,зачем тебе эти метки. Они ведь остаются там не просто так. Я чувствую,как они тянут из меня тепло,будто вытягивают дыхание по капле.

Архивариус наконец посмотрел на неё. Его глаза были слишком внимательными, будто он видел не её, а то, что пряталось у неё под кожей. Тонкую голубую сеть вен,по которым тек не кровь а холод,и тень,уже начавшую сплетаться с ее силуэтом.

— Потому что это не просто метки. Это следы его чертежей. Каждый чёрный цветок — как подпись на плане. Если я соберу достаточно подписей, я смогу понять, где он строит следующий мост. И где следующий пролом будет настолько широким, что его уже не закрыть.

Архивариус подвинул карточку к Лине,но не отпустил карточку сразу,будто боялся ,что метка может соскользнуть с бумаги и уползти по столу. На полях карточки были тонкие карандашные линии,соединяющие ее с другими карточками,пришпиленными к доске за его спиной-целая сеть повторяющихся снов,похожая на паутину.Лина смотрела на карточку: «Елена, 38 лет», на секунду она представила эту Елену:как та просыпается в холодном поту,снова и снова видя,как рушатся ступени,и не понимает,что это не просто плохой сон,а кто-то чертит на ее страхе дорогу.

— Он был там снова, — тихо сказал Архивариус. — И не один раз. Он делает это место привычным для себя. Ещё два-три повтора, и он сможет приходить туда даже без её сна. Прямо в её комнату. Прямо к её кровати.

У Лины похолодели пальцы.

— И что ты хочешь, чтобы я сделала?Снова нырнула в

чужой кошмар и принесла тебе сувенир?Я не курьер,Архивариус!

Архивариус медленно подвинул к себе чёрный цветок и коснулся его щипцами, будто боялся, что тот укусит. Но когда он поднял глаза,в них было не высокомерие,а усталость человека,которому приходится просить о плохом.

Мне нужна деталь. Не метка Архитектора. Что-то из самого сна. Что-то, что принадлежит ей. Её страх.

Лина нахмурилась:

— Её страх? Лина нахмурилась. В баночку или в пакетик?Слушай,если ты сейчас скажешь «это метафора»,я просто развернусь и уйду.

— В этом сне есть лестница. Она всегда падает. Но знаешь, что держит её на месте, пока она не рушится? Тонкая нить. Невидимая, но ты ее почувствуешь. Она звенит, как туго натянута струна, пока лестница держится. Стоит ее тронуть и нить оборвется.Она тянется от перил к её сердцу. Это не предмет, это ощущение. Её вера в то, что лестница должна стоять. Её надежда, что она успеет. Это и есть якорь сна. Если ты принесёшь мне эту нить… хотя бы её обрывок… я смогу разобрать, из чего он строит свои мосты. Я смогу найти слабое место.

Лина отступила на шаг,и ей показалось,что пол пол ногами стал скользким.— Но если я заберу этот якорь… сон развалится. А вместе с ним исчезнет и её защита.-Она сжала пальцы так,что ногти впились в ладони.-Ты просишь меня

сломать ее последнюю опору.

Архивариус не отводил взгляда.

— Да. Защита ослабнет. Ненадолго. Пока ты не придумаешь, как поставить новую. Но если я не узнаю, где он ударит в следующий раз, защита не понадобится никому. Он прорвётся. И тогда он будет приходить не в сны, а в реальность.

В комнате стало тише. Даже часы, висевшие на стене, будто перестали тикать.

— Это как украсть у неё часть её самой, — прошептала Лина.

— Да, — спокойно ответил Архивариус. — Но иногда, чтобы спасти целый город, приходится взять у одного человека каплю его боли.

— Ты хочешь, чтобы я вырвала у человека кусок его страха? — Лина постукивает пальцами по столу, и звук получается злым, как щелчок кнута. — Это не деталь, это якорь. Ты хоть понимаешь, что без него она просто разобьётся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.